

УДК 159.964

АРХЕТИП МАТЕРИ В НАРТСКИХ СКАЗАНИЯХ ОСЕТИН

Кокоева Р.Т.

*ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Хетагурова»,
Владикавказ, e-mail: nebesa77777@mail.ru*

Выдающийся швейцарский мыслитель XX века К.Г. Юнг является автором аналитической психологии. Одно из направлений его концепции – это понятие структуры личности, состоящей из эго, личного бессознательного и коллективного бессознательного. В коллективном бессознательном отражены мысли, чувства, единые для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого. В снах и фантазиях человеку являются некие образы, напоминающие образы или мотивы мифа и сказки. Глубокие коллективные недра бессознательного, по мысли К.Г. Юнга, представляют собой вмес-тилище архетипов. В Нартском эпосе осетин таким архетипическим образом может служить божественная мифическая героиня – Шатана, вбирающая в себя и символ Великой Природы-Матери, и Питающей Матери, и Богини Любви. Именно в таком образе выступает Шатана, спасающая нартский народ от голода, который символизирует состояние депрессии.

Ключевые слова: аналитическая психология, миф, сознание и бессознательное, архетип, символ, образ, феминность, героиня

THE ARCHETYPE OF THE MOTHER IN THE NART SAGAS OF OSSETIANS

Kokoeva R.T.

North-Ossetian State University of Costa Khetagurov», Vladikavkaz, e-mail: nebesa77777@mail.ru

Prominent Swiss thinker of the twentieth century, CG Jung is the author of analytical psychology. One of the directions of his concept is a concept of personality structure, consisting of the ego, the personal unconscious and the collective unconscious. In the collective unconscious are reflected the thoughts, feelings, which are common to all human beings and are the result of our common emotional past. There are certain images in dreams and fantasies of a person that resemble images or motifs of myth and fairy tale. The profound depths of the collective unconscious, according to CG Jung, is a repository of archetypes. In the Nart sagas of the Ossetians Shatana can serve in such archetypal image as a divine mythical heroine, absorbs a symbol of the Great Mother Nature, and the Feeding Mother and the Goddess of Love. It is in this way serves Shatana, who saved the Nart people from hunger, which symbolizes a state of depression. Our heroine embodies a holistic mind, a deeper and more complete identity, which serves for the individual ego as the source of really missing him strength. The basic meaning of the heroic myth is to become aware of their internal capabilities in order to prepare for the emotional overcome of the difficult situations.

Keywords: analytical psychology, myth, conscious and unconscious, archetype, symbol, image, femininity, the heroine

Архетипы как элементы психических структур сближаются К.Г.Юнгом с мотивами или образами мифов и сказок. Психический процесс, как считал К.Г.Юнг, происходит в постоянном порождении символов, имеющих смысл (рациональное начало) и образ (иррациональное начало). Символически божественный герой мифа помогает другим людям освободить свои внутренние силы и избежать многих опасностей. Это происходит за счет того, что герой (героиня) мифа имеет интенсивные отношения с бессознательным и умеет их выразить благодаря не только богатству и оригинальности воображения, но и пластической, изобразительной силе. Многие ученые полагают, что миф – это повествование, в котором истолковывается фундаментальная истина мира. Однако юнгианцы считают, что мифология не создана для объяснения мира, но считают этиологическую функцию ее неотъемлемым свойством, в силу того, что мифология

обращена к глубинам коллективной психологии как к источнику первосоздания человеческого космоса, а может быть, и к органическим (в виде клеточных конфигураций, якобы порождающих «мужской» и «женский») числовые архетипы – три и четыре) корням. Психологической иллюстрацией изложенной позиции могут служить материалы Нартского эпоса, в частности, миф о безымянном сыне Урузмаге предваряется историей о том, как нартская женщина Шатана спасла свой народ от голода.

Краткое содержание сказания.

Пришел в Страну Нартов голодный год. Ничего не могли добыть они для пропитания, скорбны стали их сердца, и потеряли они веру в свои силы. Прославленные нартские юноши, столь отважные раньше, до того обессилели, что с утра до вечера спящие валялись на Нихасе, а если и просыпались, то только и слышно было, как вспоминают о пирах, и жирной доле при

дележе у недруга угнанного скота. Добрый меч, славные лук и стрела, – никто не вспоминал о них.

Пришел однажды Урызмаг на Нихас и видит, словно на поле битвы лежат отважные стройные юноши... Урызмаг, разгневанный вернулся домой.

– Почему так потемнели дуги бровей твоих? Почему ты разгневанный сел на свое кресло, хозяин головы моей? – спросила Шатана. – Что случилось с тобой? Кто обидел тебя?

– Никто не обидел меня, – грустно ответил ей Урызмаг. – Но как не сокрушаться мне, когда вижу я, что погибает без пищи наша молодежь. Не пристало им целые дни валяться на Нихасе, и не могу видеть я, как непотребная сука Сырдона скачет через головы доблестных юношей нартских – кому губы оближет, кому обувь обгрызет, кому перегрызет ремень на поясице. Все спят, и никто не в силах даже прогнать ее с Нихаса. Хозяйка наша, я бы жизни своей не пожалел, только бы досыта накормить Нартов так, чтобы горячая кровь снова заструилась по их жилам и чтобы опять крепки стали сердца их.

– Не печалься, – сказала Шатана. – Иди, зови всех! Ведь кладовые наши полны еды и напитков – всех накормлю я, как одного человека!

И повела Шатана Урызмага по своим кладовым. Одна кладовая полна пирогами, в другой от земли до потолка высятся груды вяленого мяса, в третьей хранятся напитки.

– Видишь, когда оказывали мне честь нарты и долю мою присылали с нартских больших пиров – я все сберегала, и вот пригодились! – сказала Шатана.

Сбежали тучи с лица Урызмага, и сказал он Шатане:

– Да здесь столько еды, что всем нартам не съесть ее за неделю. Приготовься к пиру, наша хозяйка!

Позвал Урызмаг глашатая, досыта его накормил и велел ему:

– Иди и прокричи нартам из всех сил своих: «Кто в силах ходить, тот пусть сам придет, кто сам не может прийти, того принесите. У кого есть в колыбели ребенок, тот пусть принесет в колыбели ребенка. Будет пир у нарта Урызмага Ахсартагата, и всех Нартов зовет он к себе!» ... И, услышав эту весть, повалили нарты в дом Урызмага. Все от мала до велика собрались у него. Расставлены были столы в доме Урызмага, и день за днем пировали нарты. [5, 35-37] Как мы видим, действие происходит на Нихасе. Нихас (собрание) – место для общественных сборов, где решались важнейшие социальные вопросы, имеющий форму кру-

га – символ упорядоченного космоса, определен в мифе не случайно. Это священная территория является проекцией архетипического образа человеческого бессознательного на внешний мир и, символизируя психическую цельность, оказывает определенное воздействие и на человека, пришедшего туда. Заметим, что в мифе говорится о спящих юношах, тем самым оформляется символическое состояние бессознательного. Юнгианская традиция трактует круг как символ Самости. Круг выражает целостность психики, ее абсолютную завершенность. Перед нами героический миф, основной смысл которого заключается в развитии индивидуального самосознания, т.е. в осознании своих сильных и слабых сторон с тем, чтобы подготовиться к преодолению трудных жизненных ситуаций. Когда индивиды культивирует сознательную установку, отделяющую их от бессознательного, а значит – и от жизни в целом, происходит то, что описано в мифе – нартский люд гибнет от голода и это символическое состояние голода есть описание депрессии, отрицательного эмоционального состояния, разрушающего психику человека (погибает наша молодежь), когда он ощущает отсутствие в жизни реализации всяких возможностей. Главная героиня мифа Шатана воплощает в себя Образ Великой женщины, которую можно рассматривать и как Великую Природу-Мать, и как Питающую Мать, а также как Богиню Любви. Сатана является символическим олицетворением целостной психики (соединение бессознательного и сознания в некой целостности), более глубокой и полной самобытности, служащей для индивидуального эго источником нехватящей ему силы. Свойство Природы-Матери сохранять и продлевать жизнь — результат действия закона любви в глубочайшем смысле этого слова. Именно поэтому в мифологии Великая Мать всегда имеет прямое отношение к богине любви: не только в смысле пагубной страсти, но и в смысле достижения целостности. Мать находится в поиске тех, кто способен к настоящим взаимоотношениям. Скорее всего, она сознает, что без них она не сможет довести до конца свою самую важную работу, направленную на достижение целостности. К.Г. Юнг считал, что архетип матери имеет множество объектов, т.е. в переносном смысле – это богиня, а самом узком смысле – это может быть хлебная печь, кувшин, кладовая. В данном контексте образ кладовой подчеркивает феминность, своеобразный символ ценностей, питающую мать. А наполненность кладовой Шатаны означает, что она собрала из богатых цен-

ностей (кладовой) своего бессознательного необходимые для ее Я собственные возможности, которые наша героиня в дальнейшем правильно реализует. Кладовая, воплощая материнскую архетипическую феминность, порождает жизнь и кормит. Подобно природе, которая является для людей внешней средой и дает им пищу, материнское бессознательное часто указывает им новые пути в жизни, открывает новые возможности для реализации своих замыслов. Оно действует так же, как обычная мать, идеально исполняющая свои материнские функции. Аналитико-символический смысл открытия своих кладовых говорит о том, что женщина не просто раскрыта для своих добрых материнских чувств, доступные ее чувствам, а главное – она осознает их, поэтому Шатана и может накормить и себя, и других, ибо то, что человек делает для других, это он делает для себя. Архетипическая мать, Шатана, которая в прошлом была объектом поклонения, т. е. источником психической энергии, выступающая здесь как Природа-Мать, знает, как правильно относиться к дарам кладовой, ее сознание четко определяет способы выхода из этой вязкой отрицательной эмоции – депрессии. Образы животных (наглая сука) особенно подходят для символического выражения архетипа матери. Присутствие животных говорит о том, что они, живя в мире своих влечений и инстинктов, не ограничены сознательными и рациональными аргументами, которые так мешают людям. Они полностью следуют своей бессознательной природе. Их влечения и побуждения – это влечения и побуждения природы, иначе говоря, они подчиняются законам коллективного бессознательного для своего вида. Животные жили и до сих пор живут по этим законам. Тот, кто возвращается к Великой Матери, к альфе и омеге всей жизни, возвращается к этому абсолютному знанию, для которого образы животных служат самыми подходящими символами. Таким образом, они становятся символами целостности [1, 40]. Самость часто принимает облик животных, представляя нашу инстинктивную природу и ее связь с окружением человека, поэтому животные в мифах – своеобразные союзники человека. Эта связь самости со всей окружающей природой и даже космосом, вероятно, проистекает из того факта, что у каждого человека его психическое ядро каким-то образом переплетается со всем внешним и внутренним миром.

Мы уже упоминали о кладовых Шатаны. В сказании они маркируются числом три. К.Г. Юнг считал цифры три и четыре наиболее значимыми для человека, симво-

лическими. Ведь не случайно Шатана открывает свою кладовую, где присутствуют три ритуальных помещения, в которых хранится обрядовая пища, т.е. Шатана выступает и как Питающая Мать. Число три Юнг связывал с подсознанием, женским началом. Сходное представление мы находим в этнической традиции осетин. Три связано не только с божественным миром, но и расчленяет бытие на три основные сферы типа прошедшее – настоящее – будущее или же предка – нынешнее поколение – потомки [6, 72]. Иначе говоря, в рамках волшебного числа семь, символизовавшего космическую модель мироздания, мы имеем факт поступательного развития. Число «три» обычно квалифицируется как совершенное число. Три – не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации. В отличие от динамической целостности, символизируемой числом три, число четыре является образом статистической целостности, идеально устойчивой структуры. Такое строение соответствует трехчастности строения человека: тело, душа и дух.

Присутствие в мифе мужского персонажа – мужа Шатаны, Урузмага, говорит о духовном состоянии человеческой психики. Их союз представляет символический обряд священного брака, составивший сокровеннейшую основу инициации со времени ее зарождения в мистериальных культах древности. Как уже отмечалось архетип матери тесно связан с той частью психики, которая по-прежнему полностью остается во власти природы: именно поэтому мы часто употребляем выражение Природа-Мать. Противоположным полюсом должен быть Дух-Отец. Архетипы отца и матери представляют собой два главных принципа бытия. Они могут существовать вместе, образуя гармоничное целое, или противостоять друг другу. Отец воплощает активное, творческое начало; мать – восприимчивость и заботливость. Душа ассоциируется скорее с проявлениями женственности, пластичности, а духовность – с активностью, мужественностью. Подобно тому, как жена хранит семейный очаг, уют и тепло дома, душа оживотворяет тело. Но она должна подчиняться духу, чтобы был мир в доме. Душа оживотворяет, дух управляет, тело подчиняется и служит им. И, наконец, тело человека служит прообразом дома. Подобно тому, как тело согласованно объединяет все его органы, так и дом, обслуживая человека, служит вместилищем орудий, созданных им. Порядок в «доме души» и чистота в нем наступают лишь благодаря господству духа.

В мифе символическое присутствие матери, отца в доме, в котором происходит действие, подтверждает высказанные мысли. Таким образом, мифы не являются простыми аллегориями физических событий, а это в известной мере вербализация бессознательных душевных переживаний. В процессе жизни перед человеком выстраивается не только великая задача понять, испытать, овладеть внешним миром и сформировать его образ, но одновременно он должен решить другую, не менее важную задачу, которая состоит в овладении своим внутренним миром и формировании его образа. В качестве микрокосма он противостоит внешнему макрокосму и, без сомнения, столь же велик и значителен. Если мы будем исходить из представления, что миф должен восприниматься в качестве элемента этого внутреннего мира и средства для его формирования, то сможем понять его смысл и сущность,

и такое считывание даст нам ответ на многие встающие перед нами вопросы.

Список литературы

1. Биркхойзер-Оэри С. Мать. Архетипический образ в волшебной сказке. – М., 2006. – С. 256.
2. Дикманн Х. Юнгианский анализ сказок. Сказание и иносказание. – СПб: Академический проект, 2000. – С.256.
3. Хиллман Дж. Архетипическая психология. – М.: Когито-Центр, 2006. – С. 351.
4. Джеймс А. Холл Юнгианское толкование сновидений. – М.: Класс, 2008. – С. 144.
5. Осетинские нартские сказания. Москва, Владикавказ, 2001. – С.503.
6. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. – Владикавказ: СОИГСИ, 1995. – С. 152.